

Б. М. КЕДРОВ

СЕРЬЕЗНОЕ ВПЕРЕМЕШКУ С ШУТЛИВЫМ (ВОСПОМИНАНИЯ О Н. И. РОДНОМ)

С ним я встретился впервые на конференции по физической химии в Карповском Институте в 1931 году. Я учился тогда в ИКП философии и естествознания, а он был аспирантом-химиком в Академии наук СССР в Ленинграде. Мы долго говорили на общефилософские темы, касавшиеся химии, и условились о дальнейших встречах. Спустя год, в конце 1932 г., я был послан в химическую аспирантуру АН СССР, и с тех пор у нас с ним завязалась тесная дружба. Мы вели параллельные семинары у химиков и часто обменивались опытом нашей работы. Оба мы состояли в одной партийной организации.

Помню, как во время чистки 1933 г. он рассказывал о своей ранней молодости: находясь в Белоруссии, он попал под влияние какого-то комсомольца-левака и за левацкий уклон был исключен из комсомола. Рассказав об этом, он немного помедлил и задумчиво добавил: «А было мне тогда 12 лет...» При всей серьезности обстановки, в которой проходила чистка, по залу прошел сдержанный смехок. Помню, как поразила первая его речь, услышанная мною. Это была совершенно необычная по ораторской виртуозности речь. Помню, что он закончил ее словами:

Наша Советская страна стоит, как мощный утес, среди бушующих волн окружающего ее океана капитализма, но все эти злобные волны разбиваются вдребезги о скалистую грудь непоколебимо стоящего утеса.

Как и всем слушателям, мне его речь очень понравилась, но все же я не упускал случая ввертывать в свои выступления фразу о незыблемом утесе, о который разбиваются все волны империализма. Н. И. Родной пропускал это мимо ушей, но по всему его виду я замечал, что он немного дует на меня. Когда отмечался юбилей Д. И. Менделеева в Ленинградском политехническом институте, он сделал основной доклад и в очередной раз очаровал аудиторию. Вслед за ним выступил профессор В. Я. Курбатов, говоривший тонким писклявым голосом. И на такой резкий переход от торжественно чарующего голоса моего друга к писклявой профессорской речи аудитория прореагировала, как мне потом рассказывали, шумным всеобщим вздохом.

В отделе аспирантуры Академии наук существовали в то время различные сектора — математики, биологии и др. Сектор химии возглавлял тогда Н. И. Родной, в задачи которого входила организация занятий с аспирантами, приемных испытаний и защиты кандидатских диссертаций. Но у него не было заметно даже следов начальственного тона или вида. Он как будто стеснялся того, что он, хотя и маленький, но все же, как ни говори, начальник над аспирантами-химиками, хотя сам тоже был в то время аспирантом. Особенно эта его застенчивость проявлялась при разговоре с аспирантками, лаборантками, сотрудницами химических институтов и вообще с молодыми женщинами и девушками. У химиков выходила своя стенная газета. И вот однажды ее редактор попросил меня написать шутливые стихи-загадку о каком-нибудь из молодых химиков, что-то вроде шарады. И я написал:

КТО ОН?

Умом, лицом — совсем Сократ,
Ну где ж ему быть аспирантом?
Гордится целый Ленинград
Его ораторским талантом.

И, просидев немало брюк,
Хоть не декан он и не ректор,
Все ж в Академии наук
Ведет химический он сектор.

Любая тает из девчат
При виде этого величья,
Но скромн бедный наш Сократ
Побольше скромности девичьей.

А потому любви и грез
Не знает взор его холодный.
Но кто же он? Вот в чем вопрос —
Ответ же прост, что это...

«РОД-НЫЙ!» — проскандировали читавшие стенгазету химики. Шарادا имела явный успех, особенно среди женской части наших аспирантов и научных сотрудников. Даже академик Николай Семенович Курнаков, как я слышал, прочитав шараду, глубокомысленно заметил: «Гм-гм! — это, разумеется, как его, он самый...», — а Илья Ильич Черняев, как говорили, будучи любителем всяких острот и анекдотов, даже попросил переписать ему эти стихи.

Хочу еще добавить, что меня всегда удивляло отсутствие какого-либо слуха у Наума Иосифовича. Ему нравилась песня «Запрягайте, хлопцы, коней...» Он много раз пытался ее спеть, но всегда безбожно фальшивил. Как так, думал я, при таком ораторском искусстве совсем не иметь музыкального слуха. Я сам тогда мурлыкал сочиненную мною когда-то на слова Есенина песенку:

Не криви улыбку, руку теребя,
Я люблю другую, только не тебя...
Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо,
Не тебя я видел, не к тебе пришел.
Проходил я мимо, сердцу все равно,
Просто захотелось заглянуть в окно.

Мотивчик был очень простенький, но он никак не мог его запомнить, а слова ему очень нравились. Обычно он начинал петь и опускал первые звуки, а потом говорил мне: «Пропой теперь дальше, а то я сегодня не в голосе».

В конце 1934 г. Академия переехала в Москву, куда я вернулся еще до этого. Вместе со всеми переехал и Наум. Наши химические институты разместились в здании бывшего нефтяного учреждения на Б. Калужской (Ленинский проспект), рядом с Институтом горючих ископаемых, окна лаборатории которого выходили в общий с нами двор. Во дворе молодежь наших институтов летом, во время обеденного перерыва, играла в волейбол. В игру втянули и Наума. Но здесь проявился его стеснительный характер: когда мяч летел на него, он хватался руками за свою голову и присаживался или уклонялся в сторону. Это он называл «детской болезнью мячебоязни».

В Институте горючих ископаемых работала тогда яркая блондинка Вероника (ее кратко звали Верой). Ей было лет 25. Она была довольно сурового характера, достаточно властная и своенравная. Уж не знаю, как это случилось: то ли она понравилась Науму, то ли, что вернее, он ей. И, будучи пленена его ораторским искусством, она избрала его своим кавалером. Он этому, кажется, не противился и даже был как будто доволен. У нее была подруга — другая лаборантка того же института ИГИ, которую звали Галиной и которая симпатизировала мне. Но, может быть, это мне только казалось. Летом 1935 г. Наум отправился в крымский санаторий на

месяц и попросил меня проследить, чтобы за время его отъезда никто не увидался бы за его Верочкой, чтобы ее не провожали до трамвая и чтобы я время от времени звонил ей домой. И дал мне ее домашний телефон. Она жила где-то за Каланчевской площадью, за вокзалами, у Красносельского метро. Окна их квартиры выходили на железнодорожные пути. Я в точности и, кстати, с большой охотой выполнял и даже перевыполнял полученные от него инструкции. После работы я каждый раз провожал Веру до трамвая, который ходил по Б. Калужской, а потом звонил ей домой, проверяя, что она делает. Наум иногда писал мне и передавал ей через меня приветы, а я ему докладывал об интересовавших его московских событиях. Про один из таких дней того лета я написал Вере следующие стихи:

В четыре тридцать мы расстались
На остановке у ИГИ,
И Вы внезапно оказались
Так недоступно далеки.

Исчез волнующийся локон
Знакомых стриженных волос,
И в садик Ваш из Ваших окон
Уж не торчит курносый нос.

И лучезарным светом око
Уж не блеснет Вам невзначай.
Ах, Боже мой! Как Вас далеко
Умчал грохочущий трамвай.

Но хохочу — и снова близки
Со мной Вы станете опять,
Лишь стоит мне на черном диске
Все знаки нужные набрать.

Нет ничего приятней в мире:
Сначала только букву Е,
Один и три, потом четыре,
Один и семь — и знаки все.

Вы к телефону подойдете,
И трубку снимете свою,
Я говорю: «Вы узнаете?»
А Вы в ответ: «Да, узнаю».

«Ну, как дела?» — «Да слава Богу...»
«Я что-то плохо слышу Вас».
«Ах, это маму понемногу
Я собираю на Кавказ».

«Вы, Вера, громче говорите,
А то расслышать я не мог».
«Сейчас. Дуняша, отворите!
Глухая, слышите — звонок!»

«Вот это, Вера, я расслышал».
«Простите, это я не Вам. —
Вам брата? Он куда-то вышел
По самым экстренным делам».

«Что? Я не понял». — «Ах, неважно!
Фу, черт! Проклятый паровоз!»
И слышу я гудок протяжный
И стук вагонов, и колес.

«Ну вот, пришел, теперь мы с Вами
Спокойно можем говорить.
Какими новыми стихами
Вы нас хотите удивить?»

В кино здесь новая картина,
Ее Вы видели иль нет?
А, кстати, Вам моя Галина
Шлет самый пламенный привет!»

«Не может быть!» — «Нет, право слово!»
«А Вам из Крыма...» (слышен шум).
«Не слышу, что?» Шум слышен снова.
«Кричите, кто?» — «Кричу — Наум!!!»

В улыбке тают Ваши губки,
Мгновенья чудные летят,
И где-то там в мембране трубки
Глаза знакомые блестят.

Но вот промчались три минутки,
Как мимолетный водопад,
И уж давно всерьез, без шутки,
Стучится кто-то в автомат.

Пора кончать! Во сне далеком
Исчезли Вы, как фея грез,
Исчез волнующийся локон
И чересчур короткий нос.

Но знаю я, что в черном диске
Хранится втайне ключ такой,
Что захочу, и сразу близки
Вы снова станете со мной.

И, словно внемля дивной лире,
Верчу в дырявом колесе
Один и три, потом четыре,
Один и семь и букву Е.

И погружен во тьму глубоко,
Я полон тех же сладких грез.
И вижу я все тот же локон.
И, Боже мой, все тот же нос!

Это шутивное стихотворение произвело на Веру неожиданно сильное впечатление. Особенно его заключительные слова: «И, Боже мой, все тот же нос!» Она с тех пор с укоризной повторяла их каждый раз при встрече со мной. Оказалось, что я задел ее больное место, но зато Наум был в восторге. И я был этим удовлетворен.

С тех пор прошло почти столетие, и что стало потом с Верой, я так и не знаю. Мне ни разу не пришлось в голову позвонить ей по телефону, номер которого запечатлелся в моей памяти благодаря приведенному выше стихотворению. И вот теперь мне захотелось написать все это по просьбе Гали и Саши, которые, наверное, так мало знают о близком им человеке, каким он был в те далекие от нас времена.